

Марина и Сергей Дяченко

История доступа

*Часть сборника
Уехал славный рыцарь мой
(сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

История доступа

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180903
Цифровой, или Brevis est: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34483-3*

Аннотация

Странное королевство вне времени и места, странный ритуал «доступа» от которого зависит ни много ни мало судьба всего королевства. И эта судьба в руках Янины – невесты наследного принца. Ей нужно родить наследника, но еще больше ей хочется узнать – кто они, где они и зачем существуют в этом странном мире.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Марина и Сергей Дяченко

История доступа

Вышли танцовщицы, похожие в ярких платьях на короткие флагштоки. Ударили барабаны. Басы грохотали так, что скакали песчинки на кирпичных ступеньках. Танцовщицы устроили маленький смерч, и огонек фонаря, прикрытый стеклянной банкой, затрепетал.

Янина не смотрела на танцовщиц. Гораздо интереснее в эту минуту были поэты: высокий бородач, считавшийся лучшим сочинителем столицы, и тощий парень, светловолосый и небритый, никому до сегодняшнего дня не известный. Шел пятый раунд «схватки на языках»: только что оба поэта получили задание сымпровизировать лирическое признание в четырех строфах, в котором упоминались бы оловянные лошадки, топор и хризантемы, все строки начинались на «Н» и последними словами каждой строфы были бы «...на черном бархате постели». Поэты получили пять минут на обдумывание, и танцовщицы развлекали публику, в то время как бородач мастер перебирал в уме домашние заготовки, а молодой, нервный и совершенно потерянный среди барабанного грохота, суеты и жадного внимания публики, – этот самый молодой поэт трижды впал в отчаяние, прежде чем глаза его ожили, губы зашевелились и он быстро защелкал пальцами, отбивая внутренний ритм.

Рукав его кафтана был коротковат. Дерзкий либо купил парадную одежду в лавке подержанного платья, либо продолжал расти, как ребенок или дерево, и мосластые руки-ветки вытягивались быстрее, чем поэт успевал заработать на обновку. Он знал, что выглядит смешно и неуклюже, и ему непросто было это сознавать, – но он все равно вышел перед судьями и публикой, убежденный в своем праве находиться здесь.

Янина симпатизировала молодому. Вокруг, в зале под открытым небом, во множестве обретались поклонницы бородача, и они задавали тон: их слуги топали о помост по команде, служанки отбивали ладони, поддерживая короля поэтов. Если бы исход поединка решала толпа – бородач давно победил бы. Но решали судьи, и они оказались беспристрастны, и вот уже пятый раунд длился почти равный бой, хотя обычная «схватка на языках» заканчивалась через два или три раунда.

Интеллектуальное зрелище, думала Янина с грустью, но без тоски. Здесь, в столице, как в несущемся с горы экипаже – громко, весело, очень страшно и бесконечно интересно. У нас в провинции такого не бывает; может быть, я в последний раз вижу эти танцы, ярусы свечей под стеклянными колпаками, дрожащие огни и площадь, как единое тусклое украшение. И поэтов. Кто знает почему, но у нас в Устоке совсем нет поэтов. Вот бы познакомиться с этим, молодым, вот бы сказать ему в глаза, как он талантлив.

...С другой стороны, дома спокойно. Закат над озером не уступает красотой ни танцу, ни огням, ни богатому зрелищу. Другое дело, что закат лучше встречать в компании настоящего поэта...

Она поерзала на подушках. Представление затянулось, уже совсем стемнело, а судьи, глядишь, и шестой раунд назначат. Жаль, что она не приехала в столицу по своей воле, как простая путешественница, и не имеет обычной свободы. Она претендентка, пусть ее шансы оцениваются как один к тысяче. Она ведет происхождение от Железной Горы, и хоть веточка давно отделилась от общего ствола и зачахла далеко от столицы – ее долг был явиться.

Янина удержала вздох.

На самом деле, уверяла она тетку, никто не заметит, что меня нет. В жены принцу прочат либо старшую, либо младшую дочь барона Хлебного Клина, причем скорее младшую – та здоровее и милее с виду. Прочих приглашают ради традиции и еще затем, чтобы новая принцесса чувствовала себя избранной среди многих. Церемония объявления невесты тем пышнее, чем больше девушек в разноцветных платьях будет ждать королевского решения. Так говорила Янина, но тетка была непреклонна: надо ехать. Из казны деньги выслали на поездку, оплатили гостиницу на всю неделю, ты что, хочешь казенные деньги под подушкой утаить?! А вот явится королевский налоговый надзиратель!..

Налоговый надзиратель был теткинским вечным пугалом,

хотя жила она скромно и налоги с поместья платила всегда по совести. Тетка мечтала увидеть церемонию и рвалась поехать вместе с Яниной, но прямо перед отъездом ухитрилась сломать руку. Бедняга, как она огорчилась! Янина с дорогой душой отпустила бы тетку в столицу вместо себя. Тетка еще далеко не старая, если ее нарумянить да приодеть – сошла бы за девушку в общей толпе...

Танцовщицы разбежались, будто флаги сдуло ветром. Бросили жребий. Бородач, король поэтов, изображал благожелательную скуку, но уголок его рта подрагивал. Янине с ее места – первый ярус, третий ряд – отлично было все видно.

А молодой сперва побледнел, а потом налился светом, будто фонарь в оранжевом стеклянном колпаке, и уверенно выступил вперед. Ему выпало читать первым.

Он начал говорить. Площадь была устроена для выступлений великолепно – слова, сказанные на сцене, разносились эхом по всем ярусам.

Наброском майской синевы,
Неразличимым – еле-еле —
Нежнейшим – так лежали вы
На черном бархате постели.

Немой, как пень, с недавних пор,
Нагой – в глубинах цитадели
Не я схватился за топор
На черном бархате постели.

Над хризантемой взвился рок —
Нет!.. Лепестки похолодели —
Не кровь, не смерть, но серебро
На черном бархате постели!

Ночь оловянных лошадей,
Ночь безъязыких свиристелей,
Надежда двух слепых людей
На черном бархате постели...¹

– Недурно, – сказала дуэнья. – Образно.

Янина захлопала, и многие на этот раз поддержали молодого. Но вот вышел бородач, прокашлялся в кулак, и резонаторы усилили его кашель до громового звука. Он пошел простым путем: каждая строка опровергала предыдущую и начиналась с «но»:

Но если так, пускай. Финал.
Но если нет? – под шум метели.
Но если да? – я это знал
На черном бархате постели.

Но если ты? – свистит топор.
Но если мы осиротели?
Но если?.. – кончен давний спор
На черном бархате постели.

¹ Стихи Олега Ладыженского.

Но оловянен быстрый конь,
Но неподкупны в чаше ели,
Но не погас святой огонь
На черном бархате постели.

Но хризантемы отцвели,
Но саксофоны онемели,
Но вот он, самый край земли —
На черном бархате постели...

Янина даже встала с места, уверенная, что судьи присудят победу молодому. Но судьи, посоветовавшись всего несколько секунд, отдали победу бородачу – сороковую или пятидесятую на его счету, никто уже не помнил. Толпа поклонниц разразилась восторженным визгом, а Янина вдруг поняла, что уже поздно, очень поздно, опекунша будет ждать, ведь она обещала тетке присматривать за Яниной в столице. Да и хозяйка гостиницы раз десять повторила сегодня, что ей поручено особо заботиться о «почетных гостях короны». Говорят, хозяйки всех приличных гостиниц официально состоят на королевской службе и еженедельно отчитываются о поведении постояльцев... Впрочем, может быть, это и вранье...

Молодой поэт в одну секунду сделался будто слепком с собственного трупа – синеватым и бесстрастным. Он стоял в стороне, словно посторонний, словно никто уже и не пом-

нил, как он пять раундов блестяще импровизировал, ни в чем не уступая первому поэту страны, а иногда и явно его превосходя. На сцену полетели розы – растрепанные и взбалмошные, как те девицы, что бросали их к ногам кудрявого бородача.

– Это несправедливо, – вслух сказала Янина. – Послушай, Илли...

Она запнулась, сознавая, что идея ее дерзостью и взбалмошностью заткнет за пояс целую армию безумных поклонниц.

(С другой стороны, почему нет? Знатным дамам прилично приглашать в поместья поэтов и музыкантов, это называется покровительство искусствам... Что скажет тетка?!)

– Послушай, Илли. Ступай к нему... Как его зовут, кстати?

– Агат, – блеклые глаза дуэньи округлились и осветились изнутри, так она удивилась.

– Да не этот! – Янина едва сдержала в голосе негодование, потому что Агат был псевдоним чернокудрого короля поэтов. – К этому, Бастьяну... и предложи, чтобы он...

Выражение лица дуэньи насмешило ее и одновременно обеспокоило.

– Я хочу покровительствовать искусствам, – сказала Янина, оборвав себя, другим тоном. – Этот юноша заслужил сегодня победу, он уязвлен и, наверное, беден... (А тетка тоже не богачка, промелькнуло в Янининой голове.) – При-

гласи его, во-первых, навестить нас в гостинице завтра вечером, после объявления... После церемонии выбора невесты. А во-вторых, намеки, что у нас в поместье с охотой принимают талантливых людей. Может, недолго, всего пару недель, но он мог бы у нас погостить.

Площадь тем временем пришла в движение. Первыми освобождались дорогие и привилегированные сектора – там, где вокруг свечей горели еще и блики на золотых и фарфоровых блюдах. Толпа засиделась, господа и дамы с удовольствием разминали ноги, через несколько минут на площади все смешается – ряды, сектора, поэты и поклонники, судьи сегодняшней «схватки языками», стражники, карманники, обыватели...

– Скорее, Илли! Я выйду со всеми, встретимся возле экипажа!

Дуэнья была быстра, иногда быстрее самой Янины. Заколебались свечи, мелькнул широкий подол, на секунду ослепив белизной крахмальных нижних юбок. Илли шутя перемахнула через низкий заборчик ложи, и красный ее чепец уверенно поплыл в реке голов – к сцене.

Проигравшего юношу уже окружили. Уже злословили (как догадалась Янина по маслено-сладеньким лицам) и, должно быть, сочувствовали. Вот как вы удивитесь, подумала Янина, когда он при всех получит предложение, переданное Илли!

Теперь, когда первый шок от поражения прошел, щеки по-

эта немного порозовели. Он талантливее вас всех, с обидой подумала Янина. Он будет новым поэтом-солнцем... Попомните еще, как отобрали у него такую необходимую, такую заслуженную победу!

Стражники пригласили на выход дам из ее сектора, и Янина решительно зашагала по кирпичной лесенке вверх. Ее поражало и восхищало, как рыночная площадь за несколько часов превращается в огромный зал, который не стыдно посетить, наверное, даже королеве. Жаль, что нынешняя королева умерла давным-давно, а будущая еще не избрана. Говорят, дочери барона из Хлебного Клина избалованы и довольно-таки скверно воспитаны. Но, возможно, это обыкновенное злословие – ведь сколько девочек из графств и областей поскромнее во снах видят себя на троне рядом с принцем и злятся, злятся на сильных соперниц...

Хоть бы он согласился, подумала Янина о поэте. Если он откажется... Будет ли это оскорблением? Она уже жалела о своем порыве. А сдержись она, откажись приглашать поэта – сейчас жалела бы о нерешительности и трусости. Есть ситуации, в которых всегда себя ругаешь, проще с этим смириться и перетерпеть всего несколько минут. Сейчас вернется Илли, и мы все узнаем, да, мы все узнаем...

Площадь, где ожидали экипажи, была окружена оградой со многими калитками: простых горожан туда в поздний час не пускали. Янина вытащила из рукава узкий бумажный прямоугольник, сунула в щель тумбы; щель осветилась зеленым,

и калитка открылась. Янина подтолкнула скрипучую створку, перешагнула через большую лужу, в которой отражалась чья-то карета, когда-то представительная, а теперь потерявшая вид. Янина огляделась – где-то здесь ее ждали экипаж и кучер...

– Госпожа Янина из Устока?

Справа и слева подошли королевские гвардейцы. Каждый из них на голову был выше любого городского стражника.

– Да, – Янина оступилась и угодила-таки правым нарядным башмаком в лужу. – А вы...

– Королевская гвардия, – сказал первый небрежно, будто Янина была слепой и не могла видеть его мундира. – Прошу следовать за мной.

– Но здесь мой экипаж и дуэнья...

– Прошу следовать за мной.

В молчании, как-то сразу озябнув и ощутив на плечах поздний вечер, Янина прошла за ним в темноту. Второй шел сзади совершенно бесшумно, и, если бы не его тень, то появлявшаяся на мостовой, то исчезающая, Янина подумала бы, что он растворился.

Остановились перед большой каретой без гербов, без украшений, с опущенной подножкой. Первый стражник открыл перед Яниной дверь.

– Господа, я...

– Приказ короля.

Совершенно замороженная его деревянной, какой-то

нечеловеческой непреклонностью, Янина поднялась по двум крутым ступенькам (заныли мышцы ног) и запуталась в бархатной занавеске. Занавеску отдернули. Внутри кареты был человек, один, и на откидном столе перед ним горел неяркий фонарик.

– Сударыня, – голос был неприятный, и, главное, в нем не было ни капли сомнения в праве самым жестким образом упрекать Янину, – как может гостя короны позволить себе так поздно ночью присутствовать на зрелище? Как *смеет* гостя короны ходить по улице в одиночестве, без сопровождающих – ночью, я повторяю?

Неожиданность этих обвинений заставила Янину внимательно посмотреть человеку в лицо. Она узнала его не сразу, а после долгой напряженной паузы – это был король.

Она выпрямила спину, как только могла. Страх и обида всегда заставляли ее выпрямляться. Особенно страх.

– Ваше величество, – сказала она и с радостью услышала, что голос не дрожит. – Я сожалею, что зрелище в самом деле затянулось сверх ожиданий. Я сожалею, что доставила вам... по-видимому... огорчение.

Она запнулась, сознавая неточность формулировки. Огорчение? Кажется, она возмутила его или оскорбила, и непонятно чем, да и вообще ситуация дикая, глупее не придумаешь.

Что теперь, вечная опала и ссылка в Усток?

– Моя дуэнья... здесь. Просто минуту назад я отослала ее

с поручением. Вероятно, она уже вернулась и ждет меня у экипажа. Моя опекунша поставлена в известность... она знает, куда я направилась сегодня вечером, и одобрила мой выбор. Это не зрелище для черни, ваше величество, это состязание *поэтов*, – Янина выпрямилась теперь так, что затылок ее коснулся бархатной стенки кареты. – Теперь примите мои извинения за... столь неудачное стечение обстоятельств.

Король молча смотрел на нее.

В свои сорок лет он был почти лыс. Морщины на лбу сошлись тюремной решеткой: две вдоль, три поперек. Глаза, очень темные, казались подведенными тушью, хотя никакой туши не было. Под тяжелейшим темным взглядом Янина внутренне заскулила.

Прошла еще минута.

Король приподнялся, отдернул занавеску на приоткрытой двери и крикнул гвардейцу:

– Найди ее экипаж и служанку. Пригони в гостиницу.

Снаружи убралась подножка и закрылась дверь. Почти сразу карета тронулась с места – очень мягко, на мягчайших рессорах.

Куда мы едем?

Янина плотно сжала губы. Оставалась еще возможность, что это не король, а разбойник в королевском обличье. Непонятно, почему разбойнику подчиняется гвардия, но допустим...

– Янина из Устока, – сказал король с непонятым выра-

жением. – Любительница поэзии. Кто выиграл?

– С позволения вашего величества, – Янина чувствовала, как цепенеет от напряжения спина, – поэт Агат.

– У меня для вас новость, сударыня Янина. Вас выбрали невестой принцу.

Он сказал это, не меняя тона, скучно глядя в темный угол кареты.

– Да вы что! – вырвалось у нее, и вырвалось нехорошо: грубо, да еще и с ноткой брезгливости. Она пришла в ужас от собственной дерзости. – Я прошу прощения. Я нечаянно, то есть я хотела сказать...

Лицо онемело – отхлынула кровь.

– Выбирайте выражения, *милочка*, – сказал король, жутко глядя на нее черными неподвижными глазами, и Янина стиснула кулаки, захватив немного шелковой ткани выходного платья.

– Я прошу прощения, – она поняла, что готова даже заплакать. И решила, что это будет к месту, что король, возможно, сжалится над ее слезами. Но как только Янина об этом подумала – слезы высохли, осталось головокружение и холод. – Я хотела сказать, что шансы мои сочтены в списке как один к тысяче, род древний, но очень захудалый, дальний, этого не может...

Она осеклась. «Этого не может быть». Не хватало еще, чтобы король приказал отрезать ей язык за хамство: вот это, наверное, вполне возможно.

– Это может быть, – сказал он немного мягче. – Вы будете невестой принца. Потом его женой. Потом – королевой. Матерью наследника. Матерью и женой короля. И перестаньте столь явно сокрушаться по этому поводу!

От удивления она выпустила примятые складки платья.

– Я просто очень удивилась, ваше величество. Я не ожидала. Я... рада.

Карета покачивалась, как лодка. Король смотрел на Янину уже легче – во взгляде не было такого бешеного напора.

– У вас были другие планы, да?

Она перевела дыхание.

– Да.

Он кивнул, будто этого и ждал.

– Вы кого-нибудь любите?

– Нет.

– Это хорошо. Вы ведь сами понимаете – с этой минуты вы будете любить только принца, только его, и больше никого. Вы будете ему верной женой. Это точно?

– Да, – пролепетала Янина, и узоры на внутренней обшивке кареты вдруг сложились для нее во множество лиц, расставленных в шахматном порядке: глумливое лицо – гневное, снова глумливое, и так от стены к стене.

– Я захотел сказать вам эту новость сам, – король наклонился к ней, всматриваясь в глаза. – Догадываетесь почему?

– Да, – голос Янины дрогнул. – Но... Все эти девушки... Дочери барона из Хлебного Клина, они...

Лицо короля сделалось мрачным.

– Да. Сразу после объявления выбора вы окажетесь в опасности: упасть под колеса экипажа, съесть несвежее за обедом, получить кирпичом по голове – обычное дело для невесты, не так ли?

Янина с удивлением поняла, что не боится. То, что уже случилось с ней, было так неподъемно, что страх смерти бледнел перед этой ношей.

– ...Поэтому с минуты назначения вас невестой и до самой свадьбы вы будете находиться в секретном месте. Я сам позабочусь о вашей сохранности. Завтра вас ждет тяжелый день – вы не можете не присутствовать на оглашении выбора.

Глумливые и гневные лица, сложившиеся из цветов и букетиков, расплылись у Янины перед глазами.

* * *

Ночью у дверей гостиницы дежурил пикет. Гвардейцы сидели в передней, играли в кости, и ни один из постояльцев – и даже хозяйка – до самого утра не смели выйти за порог.

Дуэнья глядела на Янину глазами, похожими на поставленные торчком фасолины. Ей никто не объяснил, что происходит: поначалу ей показалось даже, что и ее, и госпожу арестовали и поодиночке сопровождают в тюрьму.

– Мы должны спать, – сказала Янина и не шевельнулась. Она сидела в кресле посреди просторной гостиной их доро-

того номера. Рядом на ковре лежали мокрые туфли. Топилась печка среди теплой влажной весны, но Янине по-прежнему было холодно. – Мы должны спать. Завтра на рассвете за мной прибудет карета.

– За вами? А я, разве я не должна...

Янина закрыла глаза.

– Илли, я хотела бы поменяться с тобой местами. Чтобы ты поехала во дворец, а я осталась.

– Но как же? – Глаза, похожие на фасолины, заблестели. – Единственный раз в жизни! Оглашение невесты принца! И это вы!

Дуэнья вдруг вскочила и пустилась танцевать по комнате, устраивая ветер кружевами. Потом обрушилась на пол перед Яниной, разметав широченную юбку:

– Умолите их, чтобы меня взяли! Я ваша наперсница, я обязательно должна там быть!

– Они боятся, что ты распустишь язык, – призналась Янина.

– Ни за что!

– Илли, что я могу сделать? – вырвалось из самой глубины, откуда-то от солнечного сплетения, твердого, как рыбий костяк. – Я ничего не решаю – ни своей судьбы, ни твоей.

– Вы ведь будете королевой...

Янина глубоко вздохнула и задержала дыхание.

– Ты говорила с поэтом?

– Да. Он согласился приехать к вам в поместье и жить там

так долго, как вам заблагорассудится.

– Придется отказать ему, – сказала Янина после длинной паузы.

– Вот еще! Пригласите его во дворец!

– Илли, ты же умная, – Янина посмотрела на печку, выложенную голубенькими изразцами, на красные щели заслонки. – Ты же умная девушка, зачем ты расстраиваешь меня и говоришь ерунду?

Часы за окном, на городской башне, отрывисто пробили час.

* * *

За ширмой, в закутке, предназначенном для умывания, потихоньку остывала вода в огромной кадке. Янина сама зажгла керосиновую горелку и забралась в кадку, не снимая тонкой сорочки.

Через пять минут стало тепло, через шесть Янина поняла, что скоро сварится, и попросила Илли погасить горелку. Сняла через голову мокрую сорочку и выстирала ее тут же, в кадке. Эта рубашка, тоньше паутины и крепче железного листа, с изнанки была расшита узором, как письменами, либо письменами, как узором. За много лет Янина привыкла, что рубашка высыхает на ней: стоит растереться полотенцем, а потом надеть отжатую рубаху – и через несколько минут, глядишь, она уже сухая.

Часы за окном пробили три.

– Мы должны спать, – повторила Янина и ощутила, к своему удивлению, что глаза слипаются.

* * *

На другое утро она не очень-то отличалась от множества претенденток, явившихся на церемонию. Девушки, чьи бесконечные родословные волочились за ними, как хвосты, пребывали в волнении: почти каждая вторая была настолько глупа, чтобы верить в свою счастливую звезду и надеяться на трон. Многие плохо спали этой ночью. Красные глаза и бледное лицо Янины никого не удивляли в этой компании.

Карета прибыла в семь. Янина, голодная и сонная, села на кожаные подушки и через пятнадцать минут уже была во дворце. Там, неведомо как, оказалась в длинной комнате, похожей на выдолбленный изнутри ствол громадного дерева. Чужие горничные, портнихи, служанки завертелись вокруг, как бабочки у фонаря, сняли с Янины ее собственное платье, привезенное из поместья для церемонии, и надели другое – проще, жестче, с тугим корсетом, и Янина не могла понять, чем это новое платье лучше старого, которому любящая тетка отдала немало времени, сил и фантазии.

Менять сорочку Янина категорически отказалась. Впрочем, видно было, что ее затейливая рубашка поразила портних: такой работы даже они, кажется, давненько не видели.

Янину поставили перед зеркалом, на руки надели перчатки, доходившие до локтя. Потом портнихи и горничные вдруг разбежались, как мыши от скрипа двери, и появился король.

На нем было – Янина мельком разглядела – нечто праздничное, невыносимо золотое, роскошное и вместе с тем воинственное. Шляпу он походя швырнул на стул. Старшая горничная плотно затворила двери, король оглядел Янину критически, по-деловому, будто расценивая ее шансы не расплющиться под ударом молота.

– Губы ярче, – сказал кому-то через плечо. – Прическу выше. У вас полчаса на все. Протяните руки вперед.

Последние слова относились к Янине. Она не сразу, но вытянула руки в перчатках, и король быстро, как будто всю жизнь этим занимался, стал насаживать на ее пальцы кольца и перстни.

Он вытаскивал их из парчового мешочка на поясе. Все они надевались сразу и сидели как влитые. Король неразборчиво бормотал над ними, иногда касался камней – все они были блеклые, невыразительные, мышинового и молочного цвета. Четыре кольца на правую руку, четыре перстня – на левую.

– Опустите руки.

Янина повиновалась.

– Внимательно слушайте, что я вам скажу. Вы будете стоять на своем месте среди невест, когда объявят ваше имя.

Ничего не изображайте – ни радости, ни удивления. Просто выйдите вперед, вам покажут дорогу и усадят рядом с принцем. Чем меньше чувств отразится на вашем лице, тем лучше.

Он помолчал, будто проверяя, запомнила ли она урок.

– Кольца будут сыпаться с вас, – сказал он очень тихо. – Ни под каким предлогом не замечайте этого. Не поворачивайте головы. А чтобы их подбирать... вы ведь понимаете, что это несовместимо с вашим достоинством?

– Да, ваше величество.

– Отлично.

* * *

– Король решил, и королевский совет подтвердил, и королевский суд одобрил. Невестой принца Новина избрана, из прочих достойных, дева, ведущая род от Железной Горы, знатная, чистая, безупречная. Имя ее сейчас будет оглашено в этом зале, имя ее...

Девушки на подиуме перестали дышать.

Они стояли, расставленные распорядителями, как цветы или кегли – чтобы каждая была видна отовсюду и чтобы вместе это благоухающее шелковое великолепие складывалось в единую, безупречного вкуса композицию. Они стояли, нарочно не глядя друг на друга. Девицы из Хлебного Клина помещены были в самом центре, а Янина – в первом ряду, сни-

зу, справа. Глашатай замолк, претендентки задержали дыхание, и приглашенные придворные, чиновники, землевладельцы замерли в своих креслах, и партер – огороженный тройным кольцом канатов и стражников заповедник для городской толпы – затих.

В партер пускали по золотым пропускам, Янина знала. Этих людей, счастливцев, которые всем – и соседям, и детям, и внукам – расскажут про сегодняшний день, отбирали едва ли не тщательнее, чем самих претенденток. Вот виднеется над толпой кудрявая голова первого городского поэта – он здесь, он получил приглашение, в то время как парень, обделенный победой на вчерашней «схватке языками», торчит снаружи... Или вообще уехал из города.

Толпа вдруг взвилась. Закричали, зашумели, реденько захлопали. В ту же секунду массивный золотой перстень на ее правом указательном перстне сделался очень тяжелым и соскользнул с перчатки.

На нее смотрели.

Всеобщее внимание ударило, будто мокрой тряпкой в лицо, и Янина инстинктивно выпрямила спину. Вот оно что; ее имя уже назвали. Она прослушала собственное имя в устах глашатая. Напрягся и соскользнул перстенок с мизинца, но среди всеобщего крика, среди неискренних поздравлений, с которыми обратились к ней ближайšie соседки, звука падения не было слышно: звона золота о мраморный пол.

Она оказалась впереди, на краю подиума, неведомо как.

Двое гвардейцев и двое распорядителей, потом двое придворных брали ее под руки и передавали друг другу, будто вазу. Под ногами оказались ступеньки, Янине не пришлось даже шагать – ее аккуратно снесли вниз. Еще два кольца сорвались с пальцев. Никто, кажется, не заметил.

Меня проклинают, поняла Янина, и тонкая рубашка прилипла к спине. Меня страшно клянут сейчас, в эту самую минуту, те, кто хотел быть на моем месте или рядом.

В тумане, который окружал ее, прояснилось лицо короля. Он смотрел безо всякого выражения – даже статуи, бывает, смотрят благожелательно или с презрением, потому что их творцы хотят, чтобы статуи походили на людей. А король в эту минуту был похож на чурбан – на грубое деревянное пугало, которое крестьяне выставляют на околицу, чтобы прогонять от поселка злых духов.

Потом она увидела принца.

Принц встал ей навстречу. Он был полноватый, мягкий, очень бледный, на лбу бисером поблескивал пот. Глаза у принца были не похожи на королевские – большие, навыва-те, светло-голубые, тускловатые. И в этих глазах Янина прочитала страх.

Принц протянул ей руку и помог сесть в кресло рядом с собой. Его рука была в перчатке, с единственным перстнем на правом указательном пальце. И, на мгновение ощутив эту ладонь в своей, Янина поняла: на руку принца нельзя опираться. Как нельзя опереться на воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.